

Ольга Карпович

# Идеальные любовники



Ольга Карпович  
**Идеальные любовники**

«ЭКСМО»

2013

**Карпович О. Ю.**

Идеальные любовники / О. Ю. Карпович — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-64522-0

Любовь – частенько незваная гостья. Бывает, что жизнь вроде бы устроена и предопределена на несколько лет вперед, и тут приходит она, и весь мир переворачивается. Но самое странное – только теперь понимаешь: это и есть его правильное положение. Рассказы Ольги Карпович – о такой любви, а еще – о мире киноиндустрии, о котором автор знает если не все, то очень и очень многое.

ISBN 978-5-699-64522-0

© Карпович О. Ю., 2013

© Эксмо, 2013

## Содержание

Ну здравствуй, Роберт!	6
Если бы вы знали, доктор...	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

# Ольга Карпович

## Идеальные любовники

© Карпович О., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.*

## Ну здравствуй, Роберт!

Алиса гнала автомобиль по широкому бульвару, умело лавируя среди спешащих по своим делам машин. Ласковый бархат сумерек обнимал холмистый калифорнийский ландшафт, но обычные влажность и духота здесь, на побережье Санта-Моники, почти не чувствовались.

Красочные рекламы сулили жителям и гостям города мечты все удовольствия мира: от изумительно утоляющей жажду газировки до сверхбыстрого и комфортабельного личного самолета.

Проведя в Лос-Анджелесе всего два месяца, Алиса уже прекрасно ориентировалась в хитросплетении улиц и хайвеев и, несмотря на сгущающуюся темноту, вела машину быстро и уверенно. Еще вчера, будто совсем в другой жизни, была Москва, хмурая безрадостная весна, понурые москвичи, всегда куда-то спешащие, древний, серый от пыли и копоти столицы дом, в который она возвращалась после хитроумных зигзагов судьбы, гудящий под окнами Ленинский проспект, тополя во дворе, в начале лета забивавшие пухом форточки, сосед Вовка, тихий алкоголик, называвший ее, как в детстве, Маленькая. Теперь все это далеко. И ее нынешнее положение – хозяйки небольшой белой виллы, раскинувшейся под сияющим солнцем Калифорнии, – казалось невозможным. Как будто судьба долго и тщательно разыгрывала с ней карточную партию: мухлевала, в самый ответственный момент вытаскивала козыри из рукава, оставляла с носом и всегда, всегда заставляла платить по счетам, но вдруг сжалилась и подкинула джокер.

Врывавшийся в приоткрытое окно автомобиля океанский ветер нес с собой пьянящие запахи тысяч и тысяч километров восхитительной зеленой бездны, солнца, слитого с морем. Он забирался за ворот легкой хлопковой рубахи, трепал блондинистые волосы, вынудив Алису одной рукой собрать их в неаккуратный пучок.

Спешить сегодня, собственно, было некуда. Ее благоверный утром отбыл в Нью-Йорк на переговоры с партнерами по бизнесу и появиться должен лишь через несколько дней, предварительно позвонив: сваливаться как снег на голову не в его стиле. Мужчина у Алисы серьезный. Не самый серьезный, конечно, за всю ее карьеру «похитительницы чужих мужей», как Алиса, кривясь, называла основной род своей деятельности, но все-таки. Чиновник какого-то министерства и одновременно преуспевающий делец, уже не скрывающий своего богатства. То есть добравшийся до таких верхов власти и держащий в руках столько путеводных нитей, что стесняться того, что купил любовнице, актриске затрапезного московского театра, небольшую, но весьма удобную виллу на побережье Тихого океана, не было необходимости.

Он и не стеснялся, гордо демонстрируя стройную белокурую игрушку многочисленным друзьям. Алиса обязана была развлекать гостей разнообразными тостами и забавными историями, блистать остроумием и поражать гостеприимством. Впрочем, это ее не особенно раздражало. Не такая уж высокая плата за возможность поселиться под вечным солнцем и послать к черту прошлое. Итак, пользуясь абсолютной свободой и долгожданным одиночеством, она бесцельно колесила по вечерним улицам, не думая ни о чем и наслаждаясь скоростью.

Движение на бульваре стало слишком оживленным, и Алиса, не желая застрять в трафике, свернула в тихий переулок, куда выходили неказистые задние дворы шикарных заведений.

Девушка с интересом оглядывалась по сторонам, гадая, как снова выбраться на ярко освещенные улицы. Она проехала не больше квартала, когда в одном из невысоких зданий с правой стороны распахнулось узкое окно. Алиса успела подумать, что за этим окном, должно быть, кухня какого-нибудь модного кафе, как в проем протиснулась темная фигура и неловко бухнулась под колеса.

Девушка ойкнула от неожиданности и, как бывалый водитель, ударила по тормозам, выкрутив руль до отказа. Джип, визгливо закрипев, рванулся вбок, но Алиса все же услышала глухой удар и резкий вскрик человека. Она чертыхнулась, отерла тыльной стороной ладони взмокший лоб и, боясь увидеть самое страшное, выскочила из машины. К счастью, все обошлось. Сбитый старик сидел на асфальте, привалившись к колесу автомобиля, возможно, раненный, оглушенный, но, несомненно, живой.

– Мистер, с вами все в порядке? – бросилась к нему Алиса.

В темноте не удалось хорошо его рассмотреть. Бесформенный плащ скрывал фигуру несчастного, трикотажная шапочка была натянута до бровей, нижнюю часть лица прятала недлинные клочковатая борода. Рядом валялись темные очки.

«Ну и типус, откуда он только появился, мать твою!» – машинально ругнулась Алиса.

– Я... я не знаю... – Он поднял на нее глаза.

Голос был молодой, Алису это несколько приободрило. Возможно, с этим нищим американцем легко договориться.

Только тут она обратила внимание, что парень прижимает руку ко лбу и между пальцев у него сочится кровь.

«Начинается, – с досадой подумала Алиса. – Сейчас явится полиция, этот грязный бомжара накает жалобу, чего доброго, дойдет до суда. Вряд ли мой папик будет рад такому повороту событий».

– Разрешите, я посмотрю, – участливо обратилась она к незнакомцу.

Не слушая возражений, стянула с его головы шапочку и осмотрела рану.

«Слава богу, – выдохнула облегченно, – ничего страшного, только ссадина. Однако надо все-таки разобраться с ним мирно».

– Знаете что? – белозубо улыбаясь, предложила Алиса. – Я сейчас отвезу вас к себе, обработаю вашу рану. И может быть, вы согласитесь, чтобы я, так сказать, слегка компенсировала нанесенный вам ущерб...

«Соглашайся, придурок, – молила она про себя. – Что, тебе лишняя сотня баксов не нужна? Свалился на мою голову, оборванец проклятый!»

– Спасибо, но... – Парень медленно поднялся на ноги.

– Это совсем нетрудно... – Алиса подталкивала его к машине.

«Только бы увезти его с места происшествия, потом трудно будет что-нибудь доказать. Чтob ты провалился, сволочь такая!»

– Я живу недалеко. Меня Алиса зовут, а вас? Не обращайтесь на акцент, я русская, – продолжала убалтывать его Алиса. – Но я все понимаю. Мы с вами сейчас славненько все уладим.

Он взглянул на нее недоверчиво, и Алиса разглядела наконец, что парень совсем юный, должно быть, немного за двадцать. А поначалу он показался ей чуть ли не стариком. Наверное, ввели в заблуждение борода и мешковатый плащ.

– Джон, – нехотя ответил он, продолжая пристально вглядываться в ее лицо.

«Да что тебе надо от меня, бомжара чертов?» – злилась Алиса.

– Здравствуй, Джон! Такое замечательное имя... Настоящее американское... Присаживайтесь, Джон, располагайтесь, – щебетала она, помогая парню забраться в машину, захлопнула за ним дверь и влезла на водительское сиденье.

«Ну слава богу, все налаживается. Сейчас отвезу этого бродягу на виллу, смажу ему рану зеленкой, дам пару долларов и забуду ночное приключение как страшный сон». – Алиса повернула ключ, мотор взревел, машина сорвалась с места.

И в то же мгновение из-за угла вырвался высокий внедорожник. Алиса поначалу не обратила на него внимания, но машина висела на хвосте словно привязанная.

– Тебе-то что еще? – вслух спросила Алиса по-русски.

Джон проследил за ее взглядом и неожиданно взмолился:

– Быстрее, прошу вас!

– Что? – Алиса оглянулась на него.

Парень смотрел на нее затравленно, словно попавший в западню зверек.

– Пожалуйста, быстрее! Это за мной!

– Ах ты м... ло! Я так и знала! – взбесилась Алиса.

«Вот это вляпалась так вляпалась. А думала, что легко отделалась от неприятностей. Надо же быть такой дурой! Кто этот парень? Почему бежал через окно? Вор? Долбаный наркоман? А я-то боялась, что он заявит в полицию. Ничего, теперь полиция сцапает нас вместе. Пожила в Америке, называется! Впрочем, джип, кажется, был не полицейский. Еще не легче. Может, хозяева кафе, которое он грабанул, какие-нибудь горячие сицилийские красавцы, решили разобраться с ним по своим законам? Что делать? Выкинуть его из машины?» – Она взглянула на испуганного парня.

– Пожалуйста... – умоляюще выговорил он.

«Да как его выкинуть-то? Смотрит жалобно своими буркалами». – Алиса глухо застонала.

– Хрен с тобой, золотая рыбка, – прошептала она по-русски и, снова перейдя на английский, бросила: – Пристегнись. Сейчас прокатимся с ветерком.

Вцепившись в руль, Алиса ударила по газам. Машина послушно рванула вперед. Мелькали сливающиеся в бесконечные разноцветные нити рекламные огоньки, ревел мотор. Алиса чуть пригнулась, ловко обгоняя машины, резко вписываясь в повороты и лишь изредка взглядывая в зеркало, чтобы убедиться, что джип, еще недавно висевший на хвосте, отстает все больше и больше.

Подкатив к воротам виллы, Алиса несколько раз ударила по клаксону, призывая садовника, и лишь спустя несколько секунд вспомнила, что распустила прислугу на все время отсутствия своего благоверного. Хотела, чтобы никто не маячил перед глазами... Пришлось самой открывать. Она завела машину в подземный гараж, заглушила мотор и кивнула Джону – выходи. Сама же, опередив его, метнулась в кабинет Рамиса, ее нынешнего «серьезного мужчины», и сняла со стены недавно подаренную ему кем-то красиво инкрустированную охотничью двустволку. Убедившись, что ружье заряжено, Алиса вскинула его на плечо и решительно направилась в гостиную.

Джон уже по-свойски успел устроиться на белом кожаном диване, и Алиса безразлично поморщилась. Не хватало еще, чтобы этот придурок испачкал его. Парень скинул плащ и остался в затертых голубых джинсах и темно-синей майке, превратившись из грязного бесформенного бродяги в стройного красавца с широкими плечами, длинными ногами и рельефными руками. Джон придирчиво осматривал запачканную кровью трикотажную шапочку.

Алиса бесшумно вошла в комнату и остановилась за его спиной:

– Ну и кто ты такой, мать твою?

Парень вскочил, увидев направленное на него дуло, попятился, опрокинул низкий столик и, потеряв равновесие, осел на пол. Алиса еле сдержала ухмылку – слишком уж нелепым казался ночной гость.

– Не стреляйте, – взмолился парень. – Я не сделал ничего плохого.

– Почему ты вывалился из окна? Зачем за тобой гнались эти люди? Ты вор?

– Пожалуйста, опустите ружье. Я все расскажу. Я вор, да, вор. Я украл пиццу. Три дня не ел, был очень голоден. Зашел в кафе, заказал ужин и, не заплатив, сбежал через окно кухни.

Он все еще сидел на полу и смотрел на нее не мигая. Кошачьи изумрудно-зеленые глаза умоляли поверить. Алиса немного опустила ружье. Джон, осмелев, поднялся, поставил на место столик, сделал шаг вперед, но девушка предостерегающе нахмурилась.

– Стой, а то выстрелю! Возьми! – Она бросила ему вату и пузырек с дезинфицирующим раствором. – Протри ссадину и проваливай.

Юноша принялся неловко откручивать крышку, в конце концов выронил пузырек, хотел поднять и опять опрокинул журнальный столик.

– О господи! Сиди уж, я сама.

Она подняла пузырек, смочила ватку едкой пахучей жидкостью и, опустившись рядом с Джоном, принялась осторожно обрабатывать ссадину. Парень ойкнул, и Алиса легко подула на рану. Джон благодарно улыбнулся. Улыбка оказалась мягкой, открытой, и Алиса отметила про себя: «Обаятельный, зараза!»

Джон отвел со лба прядь отливающих бронзой волос, и девушка обратила внимание на блеснувшие у него на запястье часы: «Ничего себе! «Патек Филипп»? У этого бродяги?»

– Тоже украл? – спросила она.

– Угу, – смутился Джон.

Алиса порывалась в сумочке и протянула Джону сотенную бумажку:

– Вот тебе, как обещала. Надеюсь, ты не успел стянуть серебряные ложки? А теперь вымечтайся.

– Спасибо вам! Вы такая добрая!

Джон грациозно прижал руку к сердцу, накиннул на плечи плащ и двинулся к выходу. Стоя на ступенях террасы, Алиса наблюдала, как парень спустился во двор, миновал блестящий в лунном свете бассейн, прошел мимо кустов жимолости. Он махнул на прощание рукой и скрылся из виду. Но не успела Алиса вернуться в дом, как темная фигура опять возникла на дорожке.

«Да что ему еще нужно?» – Алиса почувствовала, как внутри закипает холодная ярость.

Джон, пригнувшись, бегом пересек двор и, оказавшись рядом с Алисой, залепетал:

– Они ждут меня, я видел машину. Пожалуйста, позвольте мне остаться до утра!

– Ты сбрендил, что ли? – возмутилась Алиса. – С какой стати? На хрена мне твои проблемы?

– Прошу вас! – Джон молитвенно сложил руки.

Алиса вбежала в дом, поднялась в спальню и подлетела к окну. Отсюда хорошо просматривалась дорога за воротами, и девушка разглядела притаившийся за кустами внедорожник – парень не соврал. Раздраженно теребя платиновый кулон на груди, она вошла в гостиную и замерла на пороге. На ее белом диване, подложив под голову свернутый плащ, спал Джон. Алиса потрясла его за плечо – бесполезно... Она придирчиво осмотрела кожу на сгибах его локтей – следов от уколов не было.

«Вроде не наркоман, и алкоголем не пахнет. Просто устал и прилег вздремнуть? В незнакомом доме, в то время как за воротами его караулят? Да уж, удивительный малый». – Алиса потрясенно вглядывалась в бледное лицо.

Веки спящего подергивались, губы кривились, наверное, ему снился неприятный сон. И девушка неожиданно для самой себя развернула клетчатый шотландский плед и набросила его на парня. Затем взяла ружье и села в кресло напротив. Голова ее клонилась на грудь, но Алиса не могла позволить себе уснуть, когда в доме такой неадекватный гость. К тому же, по его собственным словам, вор.

Она не понимала, что заставило ее приютить этого типа. Совершать бескорыстные добрые поступки – этого давно за ней не водилось. Когда-то она умела приходить на помощь по первому зову, но со временем друзей-подруг не осталось. Теперь она ни с кем не дружит, никому не верит и знать ничего про такие дела не желает. Все это пустое...

Когда-то она свято верила в свою профессию, театр, искусство. После репетиций специально не сразу шла в метро, а петляла по улицам, чтобы дольше сохранить в себе волшебную

атмосферу храма искусства. Брела по Арбату, любуясь теплым светом фонарей в сумерках; спускалась по Моховой мимо старого здания университета с томящимся за витой решеткой Ломоносовым; сворачивала в переулки, где теснились старинные каменные дома с замысловатыми карнизами, высокими окнами и арками, и думала, думала... Она мучительно-сладостно мечтала отдавать зрителю нечто вечное, чистое, светлое. Все это давно прошло.

Отметив восьмилетие окончания известнейшего творческого вуза, она догадалась, что совершила в жизни крупнейшую ошибку, несмотря даже на пару-тройку нашумевших картин, в которых ей удалось-таки сняться. Зачем носиться по бесконечным пробам и в большинстве случаев слышать дружелюбный отказ? При ее способностях к языкам она могла бы работать в американском консульстве, а не ждать милостей от судьбы, жить на зарплату и быть независимой, а не развлекать в часы досуга влиятельно бизнесмена...

Впрочем, все сложилось так, как сложилось. У нее богатое прошлое, два официальных мужа, теперь уже давно бывших, и много бессмысленных ошибок. У нее проблемы со здоровьем, непростые отношения с алкоголем, десяток пластических операций и, соответственно, склонность к депрессиям... Ей исполнилось тридцать лет, и она, как кошка, давно уже не привязывается к людям. Что ж, так или иначе, но такая бурная жизнь привела ее сюда, в уютный, спрятавшийся в зарослях жимолости белый особняк. Не самый плохой финал, не так ли?

Алиса калачиком свернулась в кресле, все еще сжимая в руках ружье, и незаметно для себя задремала...

Яркий теплый луч пробрался сквозь легкие белые занавески, скользнул по Алисиному лицу и солнечным зайчиком замер на щеке. Она потянулась и открыла глаза, не сразу сообразив, почему спит не в собственной светлой спальне с видом на океан. Алиса откинула легкое одеяло – откуда оно взялось, она не приносила его вчера, это точно, – увидела, что ружье на журнальном столике, а Джона на диване нет.

«Обчистил все-таки дом, подонки! Воистину, любое доброе дело наказуемо!» – Она вскочила, одернула смятую блузку, легкие белые брюки и влетела в кухню.

В сковородке, шкворча, жарился бекон. Джон, умытый, посвежевший, колдовал у плиты. Его движения были точны и умелы, словно всю жизнь он только и делал, что готовил завтраки в незнакомых домах. Алиса недоуменно уставилась на него.

– Доброе утро! Вы хорошо спали?

– Прекрасно, – процедила девушка. – Обожаю спать в кресле. Что ты тут делаешь, хотелось бы знать?

– Завтрак готовлю, – пояснил он, словно это было само собой разумеющимся.

Алиса даже растерялась от такой бесцеремонности. Она села за стол и потянулась за пультом телевизора. Однако тот почему-то не включался.

– Сломался, что ли... – пожала плечами Алиса.

– А вчера работал? – с готовностью спросил Джон.

– Не знаю. Вообще-то я не смотрю телевизор.

– Совсем не смотрите? – Почему-то ее сообщение привело его в восторг. – А кино?

Алиса закатила глаза:

– Да я терпеть не могу кино! В любом виде!

Джон, очень довольный ответом, поставил перед ней тарелку с яичницей, уселся напротив и с аппетитом принялся за завтрак. Алиса тоже принялась за еду. Яичница оказалась на удивление вкусной.

– Телевизор вы не смотрите, в кино не ходите, – вернулся парень к разговору. – Как же вы развлекаетесь?

– Мемуары пишу, – невесело пошутила Алиса.

– Мемуары? Вы же такая молодая...

– Кто, я? – хохотнула Алиса. – Да мне сто лет! Живописные развалины...

– ...такая красивая. – Джон мечтательно улыбнулся, продемонстрировав ряд ровных снежно-белых зубов.

– Ты что, заигрывать, что ли, со мной вздумал? – изумленно подняла брови Алиса. – Давай, приятель, дожевывай и проваливай. На дороге уже никого нет.

– Почему вы меня гоните? – Он собрал со стола грязные тарелки и принялся их мыть.

Алиса начинала проникаться к нему добрыми чувствами: «Смотри какой! Накормил, посуду помыл. Ну просто идеальный мужчина. Вот только вор».

– Потому что это вилла моего мужа, доходчиво объяснила она. – Как думаешь, ему понравится, что ты здесь хозяйничаешь?

– Мужа? – сник Джон. – А я думал, вы не замужем. Думал, просто в отпуск приехали... ну а виллу арендовали... Вы ведь недавно из России...

– Так. – Алиса скрестила на груди руки и грозно посмотрела на слишком поздно осознавшего свою оплошность Джона. – Все-то ты знаешь... И про Россию, и про мужа, и как давно я сюда приехала... В вещах моих рылся, да?

– Я не рылся. В спальню поднялся за одеялом и случайно увидел документы... на столе лежали...

– Случайно! Давай-ка случайно собирай свои манатки и уматывай. Слышишь? Пока я полицию не вызвала! Считаю до трех! – Алиса выхватила из кармана телефон и сделала вид, что собирается набрать номер полицейского участка.

– Хорошо, хорошо, не злитесь. – Джон поспешил в гостиную, схватил плащ, сунул в карман шапочку и вылетел из дома.

Убедившись, что парень действительно ушел, Алиса приняла душ и, облачившись в светло-голубое бикини, спустилась к бассейну.

«Надо все-таки проверить, не спер ли он чего, – подумала она, блаженно растягиваясь на полосатом шезлонге. – Впрочем, наличных в доме все равно почти нет».

Некоторое время Алиса, закрыв глаза, подставляла солнцу узкую спину. Плавился жаркий июльский воздух. Вокруг стояла ничем не нарушаемая тишина, и почему-то стало вдруг неуютно, тоскливо в этом раскаленном пустом раю: «Одинокая и самодостаточная? Не очень-то это весело, оказывается».

Со стороны ворот послышался легкий шум. Алиса поднялась и увидела, что там смущенно переминается с ноги на ногу Джон. В первое мгновение Алиса обрадовалась, словно именно о его уходе жалела, затем разозлилась: жизнь, видимо, ничему не научила ее, если она готова радоваться навязавшемуся на ее голову уличному воришке, пускай и с неотразимой улыбкой.

– Простите, пожалуйста. Я у вас забыл кое-что. Можно забрать?

Алиса махнула парню рукой и двинулась к дому. Джон поспешил за ней.

– Понимаете, я, когда умывался, снял цепочку и забыл ее в ванной. Это подарок матери. Я очень берегу ее. Даже когда в шторм попал, на корабле, только об одном молился – чтобы мамину цепочку не потерять.

– На каком корабле? – обернулась к нему Алиса.

– Ну как же? Ведь я был матросом.

В ванной на полочке под зеркалом действительно лежала тонкая цепочка белого металла. Только она казалась совсем новой, никак не тянула на старинное мамино наследство.

– Так ты матрос или вор? – прищурилась Алиса, сжимая цепочку в кулаке.

– Матрос. – Джон говорил убедительно и смотрел прямо на нее. – Просто у меня были неприятности. И вот пришлось... Отдайте цепочку.

– А ну-ка говори правду! На побрякушках меня не проведешь. Никакой это не материнский подарок, ты ее просто свистнул, как и часы. Так?

– Отдайте!

Джон шагнул ближе... Зрачки его изумрудных глаз расширились, губы приоткрылись, и Алиса неожиданно поняла, что мальчишку волнует ее позолоченное солнцем тело, на котором нет ничего, кроме двух голубых трикотажных полосок. Сердце гулко ударило в груди.

– Забирай! – Алиса сунула парню цепочку и быстро прошла в гостиную.

Джон топтался на месте, и она крикнула раздраженно:

– Ты свалишь когда-нибудь отсюда или нет?

Внезапно у ворот позвонили, и парень испуганно шарахнулся. Алиса невольно вздрогнула, но через секунду рассмеялась:

– Это садовник пришел. Я вчера просила кусты подстричь.

– Не впускайте его, пожалуйста!

– Ты чокнулся, что ли? – передернула плечами Алиса.

– Я сам кусты подстригу, – пообещал Джон. – Я умею, честно. Я работал однажды садовником.

– На корабле, наверное? – сощурилась она. – Сразу после того, как отсидел срок за кражу со взломом.

– Пожалуйста, не открывайте ему! Я сам, честно! – Джон опять с мольбой уставился на нее, и она снова не смогла отказать ему.

«Похоже, парень настоящий социофоб. Чего ему бояться садовника? Что он задумал? Впрочем, убить ее он мог уже десять раз, значит, опасаться нечего. Мне и самой не слишком улыбается, чтобы Рамису потом донесли о моем госте», – думала Алиса.

– Ладно. Если тебе так хочется...

– Спасибо! Спасибо! – расцвел Джон и неожиданно поднес ее ладонь к губам.

– Садовые ножницы в гараже. – Алиса резко развернулась и стала подниматься по лестнице в спальню. Джон понуро поплелся в гараж.

Джон действительно принялся за стрижку кустов, а Алиса расположилась на кровати с маленьким ноутбуком, намереваясь проверить свою почту. Однако Интернет почему-то не загружался, и девушка выключила компьютер.

«Удивительно! Будто сама судьба отрезала меня от цивилизации. Может, оно и к лучшему. Разве не мечтала я провести эти несколько дней в уединении, ни с кем не общаясь. Вот, правда, появление Джона...»

Алиса подошла к окну и, спрятавшись за занавеской, посмотрела во двор. Парень все еще возился с жимолостью, неумело орудуя огромным секатором.

«Наврал, конечно, что садовником был, – усмехнулась Алиса. – Однако как лихо ему это удается. И глазом не моргнет, как сочинит какую-нибудь небылицу. Будто специально учился».

Она невольно залюбовалась стройным юношей, его блестящими на солнце бронзовыми кудрями.

«Надо сказать ему, чтобы кепку надел. Очень уж печет», – решила она, но тут на столе зазвонил мобильный, и Алиса даже удивилась, что эта связь с внешним миром у нее осталась.

Она подобралась, как опытный хищник перед прыжком, сосредоточилась, поднесла телефон к уху и промурлыкала:

– Да, любимый!

А затем минут сорок выслушивала жалобы папика на жизнь, на здоровье, на говнюков конкурентов. Что поделаешь, роль надо выдерживать до конца, таковы правила игры. Исчерпав весь имевшийся у нее запас сочувственных слов, ласковых прозвищ и терпеливых подбадриваний, мучитель сжалился, пообещав, что совсем скоро они увидятся и поговорят обо всем. Алиса перевела дух, швырнула телефон на кровать и подошла к окну.

Джон лежал на земле под стеной дома, скорчившись и сжав голову руками. Охнув, Алиса кинулась к парню.

– Эй, ты что? Что с тобой? – Она повернула его голову и взгляделась в зеленовато-бледное лицо с глубоко запавшими глазами.

– Все нормально, – едва шевеля бескровными губами, вымолвил Джон и тут же вырвался и склонился над землей, прижимая руки к горлу.

Увидев, что беднягу тошнит, Алиса поняла, что парня хватил солнечный удар.

«Черт, ведь хотела же крикнуть ему, чтобы надел кепку. Слишком уж изнежен, однако, этот садовник, матрос и уличный воришка в одном лице».

– Вставай, тебе нужно в дом. Обопришь на мое плечо. Да ну же, сильнее. Вот так! – Парень попытался было идти сам, но пошатнулся и опять ухватился за нее. Алиса почувствовала, как пышет жаром его лоб, как весь он дрожит словно в лихорадке.

«Еще и первую помощь оказывать, – ругнулась она про себя. – Ну что за бедолага?»

– Давай в душ, быстро, – скомандовала она, едва они вошли в дом, и Джон начал медленно карабкаться по лестнице, поминутно останавливаясь и наваливаясь на перила.

– Еще чуть-чуть. Вот так, вот так, мой хороший. Вот молодец! – Она втолкнула его в прохладную, выложенную черным и белым кафелем ванную и пустила холодную воду.

Джон в изнеможении сел на пол и прислонился спиной к стене.

– Давай раздевайся...

Парень кивнул, но не сдвинулся с места.

«Совсем дохлый». – Алиса опустила рядом с ним и решительно дернула майку. Джона это ошеломило. Пальцы девушки касались его гладкой кожи, ладонь скользнула по упругому животу. Краем глаза она видела, как вспыхнул Джон, как дрогнули уголки его губ.

«Просто совращение малолетних какое-то», – мелькнуло в голове.

– Поднимайся, – намеренно грубо сказала Алиса. – Давай-давай, нечего расслаживаться. Нежный какой, солнце ему головушку напекло.

– Я же вампир, – слабо улыбнулся Джон. – Мне нельзя на солнце.

«М-да, видно, крепко его прижарило, – покачала головой Алиса. – Вампир! Почему не Гарри Поттер?»

Она подтолкнула Джона к ванне и принялась поливать его из душа. Капли запутывались в бронзовых волосах, струйки воды сбегали по широким плечам, катились вниз по ложбинке позвоночника. И Алиса опять залюбовалась красивым мальчишкой.

– Холодная! – Джон передернул плечами.

Алиса, смеясь, повернула душ так, чтобы вода била ему в лицо.

– Ай! – Джон дернулся, схватил душ, и прохладная струя окатила Алису.

Парень судорожно сглотнул. Алиса отступила на шаг не в силах оторвать глаз от юного и прекрасного Адониса. Вот он стоит напротив, мокрый, взъерошенный, по гладкой коже стекают прозрачные струйки, спутанные волосы прилипли ко лбу, зеленые кошачьи глаза недвусмысленно дают понять, какие желания она в нем будит.

Джон осторожно дотронулся до ее шеи, провел пальцами по тонкой ключице. И Алиса не оттолкнула его, а лишь вскинула руку и отвела золотистую прядь со лба. Ладонь парня проникла под блузку, и Алиса вздрогнула от прикосновения холодных пальцев. Она обхватила руками шею Джона, первая поцеловала его и почувствовала, как вспыхивает где-то внутри темное пламя.

Алиса не помнила, как они добрались до спальни. В памяти остались лишь руки, неловко дергавшие пуговицы ее блузки, нетерпеливая дрожь в пальцах, когда она помогала ему стянуть узкие джинсы, трепет его тела под ее губами. Запомнилось, как он до боли сжимал ее в своих объятиях, боясь отпустить хоть на секунду, как они стали одним целым и как солнце за окном вспыхнуло и тут же померкло.

Ночью, когда Джон, обессиленный, уснул, продолжая держать ее за талию, Алиса долго лежала, глядя в потолок. Неожиданное приключение выбило ее из колеи, разбередило душу, и теперь нужно было собраться с мыслями.

Уж если суждено было ей превратиться в дорогую профессиональную содержанку, холодную и коварную, как японская гейша, позволять себе слабости нельзя. Все они остались в прошлой жизни: смятение, страсть, любовь, наконец.

В тот год, едва окончив институт, она опустила в такую бездну, из которой выплыла почти калекой – существом среднего рода с урезанной совестью.

Ей было тогда двадцать два, она почти не поняла, что происходит, чувствовала лишь, что ее засасывает в трясины и не хватает воздуха, что надо спастись бегством, но уже ничего не могла поделать. По сути, Алиса сама не оставила себе выбора, бросив свою молодую жизнь под ноги самовлюбленному болвану, режиссеру средней руки сорока пяти лет от роду.

Долгие годы потом вспоминала она их волшебный май, цветущие яблони на Воробьевых горах, только-только зазеленевшие лужайки Нескучного сада, где так чудесно было валяться вдвоем и представлять, что вы в диком лесу и никто вас тут не найдет. Вспоминала первую майскую грозу, надтреснутый гром и потоки теплой воды вниз по широкому проспекту. Они, хохоча, бегут босиком, держа в руках туфли, прячутся в подворотне, целуются. А потом радуга над смотровой площадкой, обновленная, умытая теплым дождем Москва, озорное солнце на куполах... Господи, как давно все это было!

Алиса тогда еще не ведала, что жизнь человеческая не исчерпывается жертвенной любовью, что после безумных ночей, признаний и откровений вспоминают вдруг, что есть семья, долг и что-то еще в этом роде. Долгое время она мучилась, боролась, верила, что он просто слишком благородный, слишком честный, и лишь со временем поняла, что Великая Первая Любовь плевать хотел на все ее стенания, на все ее слезы и прочие бабские штучки, что она со своей сумасшедшей привязанностью начала его нервировать и он сто раз пожалел, что в свое время на совместной картине решил разминки ради флиртануть с молоденькой актриской.

...Она едва выжила. Было так больно и плохо, что, казалось, никогда уже не хватит сил вернуться к жизни. Впрочем, все на этом свете проходит. Потом она, конечно же, взяла себя в руки, снова научилась улыбаться и даже вышла замуж. Однако это уже другая история.

Алиса осторожно поднялась с кровати, распахнула окно и вдохнула полной грудью.

«Что ж, как ни жаль, придется закончить эту маленькую интрижку завтра же. Если чему и научил меня господин Первая Любовь, так это тому, что никогда нельзя поддаваться эмоциям. Я неплохо устроилась и рисковать своим положением ради какого-то мальчишки, пусть даже божественно красивого и нежного, не буду. Завтра утром Джону придется убраться восвояси. Как ни жаль...»

Она подошла к кровати, склонилась к обнаженному юноше и, не сдержавшись, поцеловала его в висок.

– Мы ведем репортаж со съемочной площадки кинокартины «Полнолуние-3», очередной части саги о приключениях самого романтического героя нашего времени, буквально культового персонажа Дэрека Форкса. Нашему специальному корреспонденту удалось проникнуть за кулисы и взять интервью у исполнителя главной роли Роберта Эриксона. Роберт, вы похожи на вашего героя?

Джон подскочил на постели и уставился в надрывающийся телевизор. На экране бойкая журналистка с микрофоном насканивала на отворачивавшуюся от камеры кинозвезду. Приговаривая: «Как же я про тебя забыл», парень выключил телевизор и вытряс из пульта батарейки. Он едва успел сунуть их под подушку, когда из ванной вышла Алиса в легком полупрозрачном халате.

– Проснулся?

– Ага, – улыбнулся он и протянул руки. – Доброе утро!

Но Алиса направилась к зеркалу, чуть откинула голову, закалывая волосы, и, не оборачиваясь, заговорила:

– Джон, я хочу сказать тебе кое-что...

– Чтобы я убирался, да? – Он быстро оделся, шагнул к Алисе и тронул ее за плечо. – Но почему? Что-то было не так?

– Все было не так. – Алиса отстранилась. – Этого вообще не должно было случиться, понимаешь? В мои планы это не входило.

– А ты всегда все планируешь?

– Приходится. Жизнь научила.

– А если ситуация выходит из-под контроля? – сощурился он.

– Этого я допустить не могу. Поэтому и говорю тебе: уходи. – Алиса села на край постели.

– Ты очень любишь своего... мужа?

– О господи... Ты говоришь как в дешевой мелодраме. Дело не в любви. Просто... Я не могу ни с того ни с сего пустить все псу под хвост. Я приехала сюда с Рамисом, я живу в его доме и... Да, черт возьми, мне нравится тут жить! И я не готова рисковать этой жизнью ради... – Она осеклась. Не хотелось, конечно, выглядеть в глазах мальчишки циничной сукой, ну да что поделаешь.

Джон замер на несколько минут, глядя в сад. Потом вдруг быстро обернулся:

– А каникулы? Каникулы ты можешь себе устроить?

– Что?

Он уселся на пол у ее ног, положил руки ей на колени и заговорил настойчиво и убедительно:

– Он вернется только через несколько дней. Почему ты не можешь провести их со мной? Как будто ты взяла отпуск!

– Джон, но я...

– Пускай ты это не планировала. Надо же иногда делать что-то спонтанно. Особенно когда ты на каникулах.

– Каникулы у детей бывают, – усмехнулась Алиса. – Мне уже по возрасту не положено.

– Да брось! Тебе всего тридцать, а ты говоришь как старая рассудительная матрона.

Всего тридцать! Когда ей было чуть за двадцать, Алиса считала, что к тридцати годам с ней должно свершиться все самое главное. Наверняка к этому времени она станет знаменитой актрисой, любящей женой и счастливой матерью. В общем, что уж там, жизнь будет прожита, и можно будет подыскивать место на кладбище. И вот теперь ей тридцать, и за плечами одна великая любовь, две несостоявшихся семьи, несколько ролей в кино... А также длинный шлейф пережитых предательств, обманов, выброшенных иллюзий, несбывшихся надежд. И вдруг появляется этот странный мальчик и заявляет, что нельзя быть такой серьезной и рассудительной, ведь ей всего-навсего тридцать.

– Ладно, уговорил! – неожиданно тряхнула она головой.

Джон издал ликующий клич, притянул ее к себе и поцеловал:

– Вот увидишь, ты еще не захочешь меня прогнать!

– Четыре дня! – Алиса прижала ладонь к его губам. – И я прогоню тебя.

– Ладно, – кивнул Джон. – Я уйду, как только ты скажешь.

– С трудом в это верится, – рассмеялась Алиса и прижала к себе его вихрастую голову.

Золотистый день тянулся без конца. Они валялись у бассейна – Алиса заставила Джона забраться под зонтик, – болтали обо всем на свете, смеялись.

– Может, и обед приготовишь? Ты случайно поваром никогда не работал? – спросила Алиса.

– Нет, яичница – предел моих возможностей, – развел руками Джон.  
– Ладно, я закажу пиццу, – Алиса направилась к дому за телефоном.  
– А может, не надо? – засомневался Джон. Он сидел на краю бассейна, болтая ногой в воде.

– Думаешь, в городе только одна пиццерия? И к нам непременно заявится повар, которого ты обокрал? – засмеялась она.

– Кто его знает...

– А мы тебя спрячем. – Алиса прижалась к его нагретой солнцем спине. – Мне ведь тоже не улыбается, чтобы тебя здесь видели.

Она быстро поцеловала юношу и вдруг резко толкнула его. Джон с криком полетел в бассейн. Алиса хохотала, глядя, как он барахтается в воде.

– Ты ведь говорил, что мне не хватает спонтанности! – крикнула она.

– Дай руку! Я не умею плавать! – Джон, отфыркиваясь, неумело бил ладонями по воде.

– О господи! – Алиса легла на живот у самого края бассейна и протянула Джону руку.

Он вылез и лег на спину, тяжело дыша.

– Прости, – склонилась над ним Алиса. – Ты ведь сказал, что служил матросом на корабле?

– Мм... Что?

– Ты сказал мне вчера, что был матросом, – повторила Алиса. – А теперь оказывается, что ты не умеешь плавать.

Джон обнял ее, и у Алисы перехватило дыхание.

– Ты мне наврал? – не отступала она.

– Конечно, наврал, – прошептал Джон, опрокидывая ее на нагретые солнцем плитки.

Когда стемнело, они вышли за ворота виллы и спустились на пляж. Было безлюдно. Воздух пах солью и йодом. Джон заставил Алису разуться, и она с наслаждением ощутила, как ласкают подошвы мельчайшие песчинки. Джон пошел рядом, неся ее сандалии в руках.

Луна высвечивала на поверхности воды мерцающую дорожку. Волны накатывали на берег, будто переговариваясь о чем-то, бранясь и мирясь одновременно...

– Так хорошо... – Алиса раскинула руки, запрокинула голову и медленно закружилась на месте, глядя на волшебный танец мелких серебряных звезд. – Я сто лет не была на пляже ночью.

– А я только ночью и бываю, – улыбнулся Джон.

– Почему? А, понимаю. Прячешься от людей, как обычно? Ты не любишь людей? Боишься их? – Алиса взяла его под руку, прижалась всем телом, чуть дрожа от морского бриза.

– Наверное. Люди часто бывают жестоки, бесцеремонны, не понимают, что человек имеет право на личное пространство.

– Это близкие люди. А в толпе как раз легко затеряться. Толпе нет до тебя никакого дела.

– Вот уж нет! – покачал головой Джон. – Толпы я боюсь больше всего.

– Ты странный...

Алиса пожала плечами и медленно пошла вдоль пляжа к дороге.

«Интересно, который час? И почему до сих пор не позвонил Рамис?» – Она сунула руку в карман брюк, но мобильного не обнаружила.

– Черт возьми! – выругалась Алиса. – Забыла телефон.

– Ну и что? – не понял Джон.

– Как – что? Даже время не могу посмотреть.

– А какая разница? Разве нам здесь плохо?

– Неплохо, но... Я так не могу. Мне неудобно. А ты не надел часы?

– Нет...

– Счастливые часов не наблюдают, – пробормотала Алиса по-русски.

– Что?

Алиса перевела, и Джон неожиданно пришел в восторг:

– Именно так! И ты не научишься быть счастливой, пока не перестанешь беспокоиться о времени и о всякой ерунде.

– Что-то ты слишком часто меня поучаешь, малыш, – язвительно заметила Алиса. – Есть у тебя мобильный?

– Есть, только я его выключил еще в первый вечер. – Джон вынул из кармана телефон и передал ей.

Алиса уже не удивилась, что аппарат дорогой.

«Тоже краденый, конечно. Ох, ну и любовничка я себе нашла!»

Девушка включила мобильник, и он тут же завибрировал в ее руке.

– Тебе звонят!

Джон несколько секунд вглядывался в экран, затем резко выбросил телефон в море:

– Не хочу ни с кем разговаривать.

– Ты сумасшедший! Чокнутый! Откуда ты свалился на мою голову?

– С Луны. – Он обнял ее, прижал к себе. – Пойдем домой?

– Пойдем, – Алиса крепче прижалась к нему.

Они двинулись к белеющей вдалеке вилле. Редкие машины ослепляли их, проносясь мимо. Впереди ярко горел рекламный щит. «Полнолуние-3» – самая долгожданная премьера сезона!» – возвещали неоновые буквы, и над ними блестел изумрудными глазами и обнажал в улыбке белоснежные зубы само совершенство Дерек Форкс.

– Смотри! На тебя похож чувак.

– Этот? Ну так это я и есть. – Он рассмеялся.

– Так ты еще и в кино снимаешься? В перерывах между кражами... – Алиса легко щелкнула его по лбу. – Может, скажешь все-таки, кто ты на самом деле?

– На самом деле я просто безумно влюбленный! – Он неожиданно легко подхватил ее на руки и закружил.

Серебряные звезды замелькали перед глазами Алисы как в калейдоскопе. Девушка счастливо засмеялась, Джон крепче обнял ее и осторожно понес в дом.

Следующий день был пронзительно-синим, как раскинувшееся над виллой высокое небо. Они долго нежились в постели, потом вместе принимали душ и готовили завтрак. Джон настолько заполнил собой дни Алисы, что непонятно было, как она жила раньше, без него.

– Что сегодня будем делать? Мы совершенно отрезаны от мира. Ни один телевизор в доме не работает. И Интернет тоже. Наверное, что-то с антенной, а я, как назло, ничего не понимаю в технике. И мастера не вызовешь...

– Да зачем нам телевизор... Разве так плохо?

– Ну надо же что-то делать. Или предлагаешь крестиком вышивать? – усмехнулась Алиса.

– Давай просто общаться.

– Да как же с тобой общаться, когда ты одни небылицы рассказываешь. – Алиса рассмеялась.

– Ну давай поиграем во что-нибудь, – не отступал Джон.

– Угу, в покер. Был у меня один любитель азартных игр. Это плохо кончилось.

– Да нет, не в карты. Во что-нибудь смешное. Ну, знаешь, как дети играют...

– В догонялки. Отлично придумано! Как ты себе это представляешь?

– Не будь такой серьезной. – Джон принялся весело тормозить ее, щекотать.

Алиса со смехом отбивалась:

– Ладно, ладно. Я придумала кое-что. Есть такая игра, мы в детстве в пионерском лагере играли.

– Что такое пионерский лагерь?

– Это... Ну как тебе объяснить? Такое место, куда привозят много детей, и они там все вместе живут.

– Детская тюрьма? – ужаснулся Джон.

– Нет! Я всегда чтитела Уголовный кодекс в отличие от тебя. Это такое место отдыха, где дети проводят каникулы.

– А, каникулы. Как мы с тобой...

– Ну почти... Так вот, игра такая. Ты загадываешь какое-нибудь понятие. Ну, не знаю, например «ограбление», а потом объясняешь его жестах. Говорить ничего нельзя, понял?

– Понял.

– Тогда начинай. Ты первый.

Джон несколько минут задумчиво расхаживал по террасе, затем остановился перед Алисой, сгорбился, пригнулся и принялся крадучись приближаться к окну дома, сжимая в руках какой-то массивный воображаемый предмет. Затем вбежал в дом и через секунду появился в дверях, мгновенно перевоплотившись. Теперь он выпрямился во весь рост, лицо его приняло надменно-брезгливое выражение, он поправил невидимые темные очки, оглянулся по сторонам... Тут же отскочил, выставил перед собой тот самый невидимый предмет – теперь Алиса поняла, что это фотокамера, – и принялся забегать вперед, ловя удачный ракурс, и отпрыгивать, уворачиваясь от ударов воображаемой знаменитости.

– Я поняла, я поняла, – захлопала в ладоши Алиса. – Это журналист. Папарацци!

– Правильно. – Джон опустился в плетеное кресло.

– У тебя отлично получилось. Ты никогда не брал уроки актерского мастерства?

– Ты смеешься? – Джон покачал головой.

– Значит, ты от природы очень талантлив... Хотя, конечно, странно, что...

На столике завибрировал мобильный, на экране высветился номер Рамиса. Джон помрачнел и отвернулся. Алиса, зажав аппарат в руке, прошла в дом.

Вечером, когда жара спала и над садом нависли голубоватые сумерки, Джон оттащил один из шезлонгов в заросли жимолости. Он и Алиса уютно устроились среди разросшихся зеленых кустов. Отсюда не было видно ни белого дома, ни бассейна, ни дорожки, ведущей к воротам. Словно они одни во всем мире и ни до кого им нет дела.

Джон растянулся на шезлонге, Алиса устроилась у него под боком, прижалась головой к его плечу. Он напевал старинную шотландскую песню, которую ему пела в детстве мать. Со стороны океана дул прохладный ветерок, темнота постепенно окутывала сад. Алиса крепче прижалась к Джону и не заметила, как задремала.

Проснувшись она от собственного крика. Все тело сотрясала крупная дрожь, в глазах стояли непролившиеся слезы. Она не помнила, что ей снилось. В памяти осталось лишь ощущение одиночества, покинутости, предательства.

– Что ты? Что такое? – Джон усадил ее к себе на колени, прижал к груди и принялся тихонько укачивать, нашептывая какие-то милые, нежные слова. Алиса доверчиво прижалась к нему и почувствовала, как улетучивается страх и развеивается смутная тоска.

– Расскажи, что с тобой случилось. Почему ты плачешь во сне? Почему не хочешь никому верить? Кто тебя обидел?

– Все вместе так сошлось, понимаешь? – Алиса всхлипнула. – Неудачная жизнь, нелепая, дурацкая...

И вдруг принялась сбивчиво рассказывать... Она поведала ему и о Великой Первой Любви, и об обоих замужествах, завершившихся в общем-то одинаково, с той лишь разницей,

что первого мужа, преуспевающего банкира с уголовным прошлым, Алиса бросила сама, а второй, актер, тот самый, ради которого она отказалась от налаженной и обеспеченной жизни, бросил ее, предварительно проиграв оставленную ей первым супругом квартиру в американский покер. И исчез, даже не удостоив прощальным разговором.

У него, соколика, уже наклевывалась новая пассия. Не красавица, конечно, зато квартира в центре города на Неве – раз, постоянный источник дохода – два, лошадиное здоровье – три. Алисе же он оставил напоминание о себе в виде четырехмесячной беременности.

Ошеломленная его предательством, она долго плакала, мучилась. Алиса очень хотела ребенка, уже придумала ему имя, но стать детоубийцей все-таки пришлось. И она осталась одна, неожиданно став слепоглухонемой ко всему, что раньше волновало или приводило в трепет, ко всему, что делало ее живой и настоящей.

Джон слушал, не прерывая, никак не выражая ни сочувствия, ни порицания. Лишь гладил ее волосы и крепче прижимал к себе. Алиса, замолчав, уже недоумевала, с чего это она вдруг разоткровенничалась.

– Ты замерзла, – тихо сказал он. – Пойдем в дом.

Алиса была благодарна, что он не говорит глупых сочувственных фраз, не убеждает, что все это ерунда и жизнь только начинается, а просто идет рядом, поддерживая ее сильной рукой. И вдруг подумала:

«Удивительно спокойно и хорошо с ним».

– А ну вставай! – Джон подскочил от резкого окрика, захлопал глазами на разъяренную Алису.

– Это что такое? – Она швырнула ему горсть батареек. – А это? – Вслед за ними полетел перерезанный кабель от компьютера.

Алиса старалась держать себя в руках, но ярость так и бурлила внутри. Девушка совершенно случайно нашла в щели между матрасом и спинкой кровати батарейки от пульта телевизора и решила проверить остальную технику...

– Я все объясню! – Джон быстро натянул джинсы.

– Да уж, будь добр, объясни мне все... Гордон!

– Почему... Гордон? – Парень растерялся.

– Вот и объясни мне, почему ты Гордон Диксон, гражданин Великобритании. – Она потрясла перед его носом водительскими правами. – Кто ты такой, мать твою? Может, ты в международном розыске?

– Да нет же... Я просто... – Он медлил с ответом. – Я вытащил батарейки, потому что хотел, чтобы мы остались вдвоем, совсем вдвоем, понимаешь?

Алиса язвительно улыбнулась:

– А имя зачем изменил? Оно тоже могло бы нам помешать?

– Имя? Да я просто тогда, на дороге, сказал тебе первое попавшееся имя. Я же не знал, как все обернется... А потом было уже поздно, ты думала, что меня зовут Джон...

– Замолчи! Мне надоело слушать эту муть. Как я не додумалась в первый же день посмотреть твои документы! Ты врешь с самой первой минуты. Ты больной, чокнутый? Или преступник?

– А ты? – резко спросил Гордон.

И Алиса невольно отшатнулась: всегда ласковый, теперь парень стоял перед ней побледневший, злой, кулаки его судорожно сжимались.

– Что – я?

– А ты чокнутая или преступница? Разве ты не врешь? Разве не врешь ты своему так называемому мужу каждый день, когда он звонит? Или ты решила все честно рассказать ему о нас?

– Какое тебе дело до моих отношений с Рамисом?

– А какое тебе дело до моего настоящего имени? – парировал Гордон. – Мы договорились провести вместе четыре дня, а потом не вспоминать друг о друге никогда. Так почему я должен исповедоваться перед тобой? Кто ты мне – жена, невеста? Ты не впускаешь меня в свою жизнь, почему я должен пускать тебя в свою?

– Ты в моем доме, между прочим, – едва сдерживая гнев, прошептала Алиса.

– Ну да, твой дом, – расхохотался он. – Привезла, как вещь из магазина. Занятное украшение интерьера, да? Тебе нет никакого дела до моих чувств. Пока нравлюсь – я здесь, надоем – выкинешь в два счета.

– Знаешь что? – проорала Алиса. – Ты прав. Ты уже мне осточертел. Давай-ка катись отсюда! Еще не хватало, чтобы ты читал мне мораль!

– С удовольствием!

Джон-Гордон схватил плащ, в котором пришел сюда два дня назад, и выбежал из спальни. Алиса последовала за ним. Она не ожидала, что он так просто уйдет. А он легко сбежал по лестнице и ни разу не обернулся! Словно и не он, смеясь, опрокидывал ее навзничь у бассейна, не он кружил ее на руках на пустынном ночном пляже, не он успокаивал, когда она просыпалась в слезах.

Алиса замерла на белых ступеньках террасы, прижав руки к груди. Что-то надсадно дрожало внутри, сжимало горло. И неожиданно для самой себя она отчаянно крикнула:

– Стой!

Гордон остановился и медленно развернулся.

– Вернись! – И добавила мягче: – Вернись... пожалуйста.

Он направился к ней, а Алиса пошла ему навстречу. Гордон остановился перед девушкой.

– Давай не будем ссориться, – шепнула она. – Ведь осталось только два дня.

Изумрудные глаза смотрели на нее с обидой. Алиса, словно прося прощения, потерлась лбом о плечо Гордона.

– Это неправда, что мне нет дела до твоих чувств. Просто я не ожидала, что все пойдет так далеко. Я не готова, понимаешь?..

– Понимаю. Ты этого не планировала, – едко заметил Гордон.

– И мне, честное слово, все равно, как тебя зовут. Хоть Педро, – со смехом добавила она.

Гордон, не говоря ни слова, обнял ее и бережно прижал к себе. Алиса поняла, что парень больше не сердится. Она взяла его под руку и повлекла к дому.

– Отец хотел, чтобы я стал юристом, – рассказывал Гордон.

Они сидели на террасе. Голова юноши покоилась у Алисы на коленях, и девушка перебирала пальцами отливающие медью пряжи. Столик с остатками ужина был отодвинут, в высоких бокалах вспыхивало искрами темно-бордовое французское вино. Из гостиной доносилась тихая медленная мелодия. Этот последний ужин они решили обставить красиво. Алиса даже облачилась в вечернее платье – узкое, золотисто-зеленое, с открытыми плечами. Только неизменные джинсы и майка Гордона портили картинку для глянцевого журнала: юная, прекрасная и, что немаловажно, богатая чета наслаждается ужином на собственной вилле на берегу океана.

– Он адвокат, – продолжал Гордон. – Очень известный в Лондоне. Ни один великосветский развод без него не обходится. Только он умеет так талантливо перетрясти грязное белье и оставить несговорчивого супруга без штанов. Представляешь, такой типичный диккенсовский тип – сухой, черствый, чопорный и хитрый, как змея.

Парень вскочил, сгорбился, сморщился и, мгновенно превратившись в согбенного старика, проскрипел:

– Сын мой, твой долг – продолжить славную юридическую династию Диксонов.

Алиса расхохоталась – таким забавным получился Диксон-старший в исполнении Гордона.

– А ты что же?

– Что я? Я сначала пытался оправдать его надежды, поступил на юридический... Но там была такая тоска, ты себе не представляешь. Я засыпал на лекциях, пропускал занятия... В общем, меня вытурили, и мне пришлось признаться, что я не чувствую никакого влечения к юриспруденции.

– А он?

– Выгнал из дому и лишил наследства, – улыбнулся Гордон. – Я же говорю, диккенсовский персонаж.

– И ты в поисках счастья приехал сюда?

– Угу.

– А знаешь, я кое-что поняла про тебя... – Алисе показалось, что парень напрягся.

– Что? – Он быстро отпил вино и пролил несколько капель.

– Ты приехал сюда, чтобы стать актером, – победно объявила Алиса. – Я сразу поняла, еще когда ты папарацци изображал. А теперь тем более. Ты наверняка занимался сам или на курсах... И тебе сказали, что есть задатки. Вот ты и думал, что здесь тебя сразу на главную роль в блокбастер возьмут. Я права?

– Ну... в общем...

– погоди, погоди. Я дальше буду угадывать. У тебя ничего не вышло, и ты завис здесь: ассистентом работал, кофе подавал на площадке и в конце концов остался совсем без денег. А вернуться к строгому папочке стыдно. Верно?

– Примерно так... – Гордон принялся собирать грязную посуду со стола.

Алиса смотрела на него и по едва заметным движениям плеч, рук, по наклону головы догадалась, что Гордон расстроен.

«И дернул же черт угадывать его неудачи. Бедняга! Должно быть, это сильно ударило по его самолюбию. Поэтому, наверное, он и врет все время – пытается сочинить другую судьбу, спрятаться от невезения». В гостиной заиграла нежная переливчатая мелодия.

– Я думаю, ты не должен сдаваться, – убежденно сказала она. – У тебя на самом деле талант, я ведь в этом кое-что понимаю. Тебя обязательно заметят, иначе и быть не может.

Гордон, будто не слыша заверений Алисы, нежно привлек ее к себе:

– Давай потанцуем?

– Давай. – Они медленно закружились под тихую музыку.

Незаметно стемнело. Запахли уже по-ночному, влажно и сочно, цветы в саду, зашелетели тронутые океанским бризом листья жимолости. Луна осветила танцующих своим серебристым негреющим светом.

Гордон прижался горячими губами к виску Алисы, к уху и шее. Девушка почувствовала приятную дрожь, тело ее сделалось гибким и податливым. Он легко подхватил ее на руки и понес в дом. Удивительно, но Алиса не чувствовала испуга, растерянности, обычно охватывавших ее, когда она оказывалась в темноте. На руках у этого парня ей было спокойно и светло, словно она под самой надежной защитой.

Гордон опустил ее на кровать в спальне, стянул узкое платье. Все его движения были нежными, осторожными.словно, дотрагиваясь до нее, он давал обет любить и оберегать вверенную ему судьбой женщину, пока смерть не разлучит их.

Слезы потекли по щекам Алисы.

«Это несправедливо, несправедливо! Почему судьба столкнула нас именно сейчас, когда я навсегда вычеркнула все, что было в душе светлого, чистого, когда научилась быть безжалостной... Почему именно теперь, когда изменить свою жизнь я уже не смогу? Когда попросту не осталось времени на то, чтобы что-то изменить?»

Благодаря темноте Гордон ничего не увидел, и девушка порывисто прижалась к нему.

Солнце вкатилось в окно кухни, словно оповещая, что день будет жарким. Жарче, чем все предыдущие. Раскаленный воздух замер – ни ветерка. В доме повисла вязкая духота. Где-то вдалеке тяжело громыхнуло.

– Будет гроза, – рассеянно заметила Алиса.

Они пили кофе. Гордон смотрел в чашку и хмурился. Она же не решалась поднять глаза – непонятная скованность нашла на нее в эти последние минуты. В душе Алиса уже попрощалась с Гордоном, оплакала и пережила расставание, и теперь он раздражал ее, словно своим видом напоминал, что самое трудное еще впереди.

– Ладно, – он поднялся. – Мне пора убираться наконец. Ты так долго этого добивалась.

– Да уж, от тебя оказалось нелегко избавиться. – Она вяло поддержала шутку.

Гордон прошел в гостиную, взял плащ, перебрросил его через руку. Алисе казалось, что каждое его движение отдается набатом в голове.

– Оставь мне свой телефон, – не выдержала она. – Вдруг что-нибудь понадобится. Подстричь кусты, например...

– Будешь звонить всякий раз, как захочешь устроить каникулы?

– Нет, но... Ладно, дурацкая идея, забудь...

Гордон топтался посреди гостиной. Алиса в изнеможении опустилась на край дивана, сжала руками лоб.

– Уходи, пожалуйста, – прошептала она. – Уходи...

Но он шагнул к ней, присел на корточки и заглянул в глаза:

– Давай уйдем вместе. К черту эту виллу, деньги... К черту Рамиса. Ты же не любишь его! Неужели все это стоит твоей жизни?

– Я не могу, не могу... – Она закрыла лицо руками, пытаясь удержать подступающие слезы.

– Но почему? Зачем мучиться? Почему просто не уехать вместе?

– Куда мы поедem? – всхлинула Алиса. – У меня ничего нет, мне даже за отель нечем заплатить. Ты сам без работы, хочешь, чтобы еще я села тебе на шею?

– Если дело только в этом... Я давно собирался сказать тебе... – Гордон потупился.

Алиса уже взяла себя в руки:

«Черт, надо было выставлять его сразу. Все эти сцены слишком вредны для моей расшатанной психики».

– Я не хотел говорить... И даже вчера, когда ты сказала, что догадалась, а я подтвердил... В общем, на самом деле это неправда, я соврал.

– О господи, опять... – выдохнула Алиса.

– Да нет же! Я сейчас объясню... Помнишь, мы шли с пляжа и ты заметила рекламный щит? Я еще тогда пошутил...

Заверещал мобильный. Алиса, не обращая больше внимания на Гордона, схватила телефон:

– Да, дорогой. Уже в аэропорту? Чудесно! Конечно, жду...

Парень осекся, несколько секунд молча смотрел, как она щебечет в трубку, затем развернулся и вышел.

Машинально отвечая Рамису, Алиса видела через окно, как Гордон быстро, не оглядываясь, скрылся за воротами.

«Что ж, так лучше. Конечно, лучше. Для всех. Сейчас придет вышколенная горничная, и к приезду Рамиса в доме не останется ни малейшего следа пребывания гостя».

Удушливая жара не отступила и под вечер. Алиса, вежливо извинившись, выскользнула из гостиной, в ванную, намочила полотенце и с наслаждением прижала его ко лбу. Было нелегко непринужденно порхать, развлекая благодушно развалившегося в кресле Рамиса и нагнав-

ших отмечать заключение сделки друзей – мучила духота. Вдалеке над океаном вспыхивали зарницы, перекатывался глухой гром, но сюда, на побережье, гроза приходит никак не желала.

Алиса опустила на прохладный кафель, не отдавая себе отчета, что сидит в той же позе, что и Гордон, когда его хватил солнечный удар. С полотенца стекали мелкие капли, и Алисе казалось, что она плачет.

«Какая самонадеянность! Думала, что ко всему уже привыкла, ничем тебя не проймешь. Не ожидала, что так тяжело бросаться на шею благоверному, мило щебетать, расточать улыбки его гостям, в то время как хочется забиться в угол и завывать от тоски...»

В ванную ввалился Рамис – приземистый, пузатый, с проседью в черных волосах. Он был в светлых шортах и сетчатой майке, сквозь которую виднелся волосатый живот.

– Вот ты где? Почему от гостей ушла? Нехорошо, да!

Он навис над ней, и Алиса поморщилась от смешанного запаха сигар и кислого пива.

– Что-то голова разболелась, – мягко улыбнулась она и встала. – Ты не против, я пойду прилягу?

– Э нет, ты что? Как это хозяйка пойдет спать, когда в доме гости? Мои гости! – произнес он со значением.

– Но мне... Мне плохо! – с ненавистью посмотрела на него Алиса. – Ты хочешь, чтобы меня вырвало при твоих гостях?

Рамис опешил, не ожидая от всегда покладистой и любезной подруги такого отпора, затем, пьяно набычившись, закричал:

– Что ты сказала, женщина? Что тебя рвет от моих друзей?

Совсем близко, должно быть прямо над домом, мощно ударил гром, и Алиса выкрикнула:

– Да, если хочешь! Меня выворачивает и от твоих друзей, и от твоей пьяной рожи. Дай мне пройти! Я спать хочу!

– Сука! Русская потаскушка! – Рамис наотмашь ударил ее по лицу.

Алиса, не успев увернуться, отлетела к стене:

– Что ты делаешь? Ах, ты...

– А что? За все заплачено. Иди в гостиную, я сказал! – визгливо приказал Рамис и снова ударил ее.

Алисе почти не было больно, она лишь ощутила во рту солоноватый привкус крови. Рамис опять бросился на девушку, но на этот раз она ловко увернулась, проскочила мимо него и влетела в спальню.

Повернув ключ в замке, Алиса упала на кровать и спрятала голову в подушки. Она не плакала. Слез не было, лишь гнетущая тоска. Некуда бежать! Некому жаловаться! Она сама выбрала такую жизнь. Или такая жизнь выбрала ее...

Примерно через полчаса в дверь спальни постучали. Алиса открыла. На пороге стоял Рамис, кажется, он успел прийти в себя.

– Что ты хочешь? – прошелестела Алиса.

– Ладно, я погорячился. – Он говорил с чуть более сильным акцентом, чем обычно.

Алиса села к туалетному столику и хмуро поглядела на себя в зеркало – нижняя губа распухла, в уголке рта запеклась кровь.

– Ты сама виновата. Зачем раздражать мужчину? Вот возьми... – Он бросил ей пачку купюр, не считая. – Купи себе что-нибудь. Золото, бриллианты, я не знаю. Что хочешь... – Рамис с отеческой снисходительностью похлопал ее по плечу и вышел.

Алиса машинально взяла деньги, пересчитала:

«Больше тысячи долларов! Что ж, видно, он и вправду чувствует себя виноватым. Но теперь инцидент исчерпан. Он извинился на свой лад и может продолжать в том же духе. За все заплачено, как он верно подметил».

Хлынул долгожданный дождь. Тяжелые капли застучали по крыше, смочили дорожку перед домом, упали на уже закрывшиеся на ночь цветы под окном. Запахло свежестью, юностью, жизнью. Алиса швырнула деньги обратно на столик и подставила лицо дождю. Ее словно омыло легкими теплыми струями: ушла тяжесть, отступили отчаяние и безысходность.

«Да что же это, в конце концов! Всего-то тридцать! Впереди целая жизнь! Неужели же потратить ее на то, чтобы обслуживать мерзкого коротышку Рамиса и подобных ему экземпляров? Да никакие деньги, никакая вилла на берегу океана не стоят и одного дня единственной и неповторимой жизни».

Алиса набросила прямо поверх вечернего платья легкую куртку, сунула в карман документы, деньги и вышла из комнаты. Спускаясь по лестнице, она услышала голоса – значит, пройти через гостиную не удастся.

Алиса вернулась в спальню, вскарабкалась на окно и ухватила за толстую ветку растущего рядом платана. На мгновение она повисла над пустотой, почувствовала, как слетают с ног туфли, затем подтянулась, уперлась ступнями в ствол и вскоре уже сидела на дереве. Дождь хлестал нещадно, Алиса сразу вымокла, но не замечала этого. Быстро оглядевшись по сторонам, она сообразила, что, перебираясь с ветки на ветку, сможет добраться до ограды виллы, и через несколько минут уже была там. Девушка на секунду засомневалась, стоит ли прыгать вот так, в крошечную темноту. Впрочем, другого выхода у нее все равно не было, и Алиса решилась.

Затем произошло что-то странное: падение, удар, яркий свет, скрип тормозов, чей-то истошный крик... Алиса на мгновение потеряла сознание, когда же снова открыла глаза, увидела над собой испуганное лицо Гордона. Он тряс ее за плечи, приговаривая:

– Вставай же! Приди в себя!

– Подожди... Подожди... – Алиса села, машинально вытирая перепачканные руки о подол мокрого платья.

– Откуда ты здесь? – растерянно спросила она Гордона.

– Я-то понятно откуда, ехал к тебе, хотел еще раз попытать счастья. Скажи лучше, откуда ты свалилась мне под колеса? – Черный джип блестел рядом хромированным боком.

– Я... Я ушла от Рамиса. Убежала...

– Правда? – Лицо Гордона осветилось улыбкой. Он пристально посмотрел на нее, осторожно дотронулся пальцами до рассеченной губы и вдруг решительно двинулся к воротам.

– Куда ты? Стой! – Алиса бросилась за ним, схватила за рукав его куртки, пытаясь остановить.

– Я научу этого типа обращаться с леди!

– Не смей! Он убьет тебя! – Алиса судорожно вцепилась в Гордона.

И в ту же секунду что-то вспыхнуло и из ближайших кустов выскочил незнакомый усатый человечек с фотокамерой. Он обежал их и снова щелкнул вспышкой.

– Это от Рамиса. Это его человек! – закричала Алиса.

– Да нет, это за мной. Уходим! Быстрее! – скомандовал Гордон и потащил за собой Алису.

– За тобой? Но почему? – Алиса споткнулась в темноте и полетела на землю, увлекая за собой Гордона.

Чертыхаясь, они барахтались в грязи, сверху же продолжали щелкать камеры. К усатому присоединились еще несколько фотографов. Наконец Гордону удалось вскочить. Он рывком поднял Алису и потащил к машине, грубо расталкивая невесть откуда налетевших папарацци.

– Залезай! Быстро! – Парень почти втолкнул ее в джип.

Оказавшись на переднем сиденье огромного автомобиля, Алиса огляделась:

«Какая машина у незадачливого воришки Гордона! Тоже краденая? Что, в конце концов, происходит? Кто все эти люди с камерами? Что им нужно?»

Гордон заблокировал двери.

– Что им от тебя надо? Кто ты? – дернула его за плечо Алиса.

– Не сейчас, пожалуйста! – Он завел мотор.

Откуда ни возьмись вылетела странно раскрашенная девчонка-школьница, прилепила к стеклу журнал, раскрытый на развороте с рекламой фильма «Полнолуние-3», и завершала:

– Автограф! Дайте автограф!

Алиса съезжилась. Казалось, она очутилась в каком-то сумасшедшем сне. Гордон выкрутил руль и ударил по газам. Автомобиль сорвался с места, журналисты разлетелись в разные стороны, и лишь девчонка продолжала истошно вопить:

– Укуси меня! О Дерек, я тебя так люблю...

Гордон гнал машину по темному шоссе:

– Надо оторваться, пока они не пустились в погоню.

Алиса посмотрела в зеркало заднего вида: из-за поворота показались крохотные светящиеся точки. Гордон выругался, погасил огни и, резко свернув, поехал прямо по песку в сторону пляжа, где и заглушил мотор. Огоньки на дороге промелькнули в направлении Лос-Анджелеса. Алиса поняла, что он привез ее на тот самый пляж, где они гуляли ночью. Билборд с изображением прекрасного Дерекса Форкса светился чуть в стороне.

Девушка едва сдерживала смех: надо же было все это время оставаться такой слепой.

Она искоса взглянула на Гордона:

«Бедняга, тяжело ему приходится. Не жизнь, а непрекращающийся кошмар. Немудрено, что боится людей».

– Надо было раньше все тебе объяснить, но я боялся, понимаешь...

– Я догадалась. – Алиса придвинулась к нему ближе и дотронулась ладонью до его щеки. – Ты – это и правда он? – Она махнула в сторону рекламного щита. – То есть мы с тобой коллеги?

– Угу.

– Выходит, ты снова назвал мне чужое имя?

– Нет, Гордон – мое настоящее имя, по паспорту. – Он смущенно смотрел на Алису своими изумрудными глазами, и она почувствовала необыкновенную нежность к этому парню: как она могла думать, что сможет отпустить его, что сможет прожить без него хоть один день.

– Ну здравствуй, Роберт! – усмехнулась Алиса и поцеловала его.

## Если бы вы знали, доктор...

«Если бы вы знали, как мне не хватает вас именно сейчас, дорогой мой доктор!.. Господи, мука какая...»

Помню, как я впервые открыла глаза... Вы вошли в палату, такой спокойный, уверенный, и сказали: «Улыбнись, девочка! Теперь уже все будет замечательно хорошо!» Я сразу забыла обо всех этих иглах, аппаратах, датчиках, приковывавших меня к больничной койке. И мои глаза мигом высохли (тогда плакать я еще умела). Вы изменили мою жизнь, научили бороться, собирать себя по частям и не отступать перед болью. Ничто впоследствии не доставляло мне такой радости, как первые шаги по больничной палате, от окна к дверям.

В профессии вы были богом. Когда вы ушли, реанимацией по вам стали не газеты, тут же растражиравшие вашу жуткую смерть («Светило медицины застрелен в своем подъезде», «Знаменитый хирург стал жертвой криминальных разборок»), и не книга вашей дочери, надевавшейся, видимо, хоть немного приблизиться к гению отца. Реквиемом прозвучал хор голосов растерянных пациентов, которые только в вас одного и верили».

Андрей Александрович Донской, известный пластический хирург, еще раз пробежал глазами текст на экране и усмехнулся. За окном дремал освещенный неярким осенним солнцем уютный маленький двор, усыпанный оранжевой листвой. Клиника, в которой работал Донской, располагалась в центре Москвы, в сохранившемся особнячке XIX века – бывшем имении зажиточного купца. Здесь было удивительно спокойно и тихо, и только изредка доносившиеся из-за ограды гудки автомобилей напоминали о том, что вы находитесь в кипящем жизнью мегаполисе.

Донской не знал, чем зацепило его виртуальное послание. Он просматривал, как обычно в обеденный перерыв, форум, где многочисленные пациентки медицинского центра «Галатея» рассыпались в изъявлениях любви к доктору Донскому: «Он прекрасен! Какие у него руки! Пальцы сильные и нежные одновременно. Когда он дотрагивается ими до моего лица, я вся горю. Я бы душу дьяволу продала за ночь с ним».

И без того уверенный в силе своего воздействия на слабый пол, Донской все же не упускал случая потешить тщеславие, хотя, разумеется, никому из коллег никогда не признался бы в этом. В клинике его давно считали местным Чайльд Гарольдом, едким скептиком и циником, имеющим весьма приземленные представления о романтической стороне жизни.

И вот сегодня он, пройдя по ссылке, вышел на сайт виртуальных дневников, случайно кликнул на картинку, изображавшую желтый цветок, и попал в этот дневник, дневник женщины, по всей видимости какой-то актрисы, именовавшей себя Niza, первый же текст которой был посвящен убийству врача.

Донской читал об этой истории года четыре назад. Знаменитый врач, неоднократно спасавший жизнь самым разным людям, был застрелен в подъезде собственного дома, когда возвращался из клиники. Писали, что незадолго до убийства он оперировал некоего московского криминального авторитета. Раненого доставили в клинику прямо с бандитской разборки. Хирург сделал тяжелейшую операцию, но спасти пациента не удалось: слишком много крови потерял. Недолго думая, братки решили, что доктор нарушил клятву Гиппократова. В итоге гениальный нейрохирург погиб, а убийцу, ясное дело, так и не нашли.

«Как глупо, – думал Донской, перечитывая строчки на экране. – Человек потратил жизнь на спасение людей, а сам погиб насильственной смертью. Странно! Немыслимо! Все равно как если бы меня проткнул собственноручно слепленный нос. С другой стороны, погибшему можно только позавидовать. Человек наверняка был счастлив, сознавая, что не зря коптит

небо. Когда дело касается спасения человеческой жизни, а не формы груди, должно быть, сомнения в важности собственного предназначения не одолевают».

В последнее время подобные мысли посещали Андрея Александровича довольно часто. Не то чтобы он тяготился своей работой – было интересно лепить из мартышек, курносых и лопухих, Кейт Мосс и Шарлиз Терон, быть этаким дьяволом, продающим вечную молодость. Да и что уж там, доход его ремесло приносило немаленький. Однако все чаще вспоминалось, что когда-то он тоже хотел стать нейрохирургом, вкалывать до седьмого пота, возвращаться с работы без сил, но с сознанием того, что сделал важное дело – спас человеческую жизнь. Таким романтиком он пришел когда-то – больше двадцати лет назад, страшно подумать – в медицинский институт. И только потом, в девяностые, уже будучи ординатором отделения нейрохирургии, увлекся набирающей в те годы обороты пластической хирургией.

Донской был уверен, что сделал правильный выбор: ушел из большой науки, не защитив кандидатскую, и смог в итоге полностью реализоваться. И только в последние месяцы на него стала накатывать смутная тоска, мысли о бесцельности собственной жизни, странное отращивание к помешавшимся на внешности пациенткам. Должно быть, и его, светило пластической хирургии, мужа красивой и умной жены-психолога и отца почти взрослой дочери, не миновал кризис среднего возраста. Впрочем, справиться с назойливыми мыслями вполне получалось с помощью старого доброго «Хеннеси».

Зазвонил телефон. Донской посмотрел на высветившийся номер – Валерия, одна из его постоянных пациенток, в последние полгода повышенная до статуса любовницы. Вообще-то он старался не заводить отношений на работе, но перед напором Валерии, вознамерившейся во что бы то ни стало заполучить сероглазого хирурга, перед ее бьющей через край животной сексуальностью не смог устоять. Через некоторое время обнаружилось, правда, что, помимо бешеного темперамента и либидо, у Валерии имеется также на редкость назойливый и вздорный характер. К счастью, она была женщиной занятой – то обставляла свой огромный дом на Рублевке, то ездила на какие-то приемы с важным мужем, то пропадала в салонах красоты, тем самым давая Андрею Александровичу блаженные передышки. Донской поморщился, помедлил несколько секунд, не зная, отвечать ли на звонок.

В дверь постучали, и в кабинет просунулась девушка с ресепшн:

– Андрей Александрович, к вам пациентка. Ей назначено на три.

– Чудесно, проси, – улыбнулся Донской и отключил телефонный аппарат, напомнив себе, что в свободное время нужно вернуться к найденному виртуальному дневнику.

Донской вынырнул из тяжелого душного сна. Он сел на постели, зажмурился несколько раз. В висках гулко стучало. Он встал, едва не наступив на недовольно заворчавшего бассета Милорда, прошел в кабинет и включил компьютер. Быстро просмотрел новости, нашел сайт вчерашней актрисы. Однако невесть чем зацепившая его женщина с ником Niza ничего нового не написала. Донской полистал немного дневник, гадая, что за знаменитость скрывается под картинкой, попытался отыскать фотографию. Если она была когда-либо его пациенткой – а они все или почти все хоть раз к нему обращались, – он бы, наверное, узнал ее. Но ни одной фотографии, разумеется, не было.

– Андрюша, ты проснулся? Завтрак готов. – Жена появилась на пороге, с самого утра тщательно накрашенная и идеально причесанная, в подчеркнута небрежно запахнутом шелковом халате. Она фанатично следила за собой, надеясь таким образом обезопасить себя от мужней неверности. Донской усмехнулся: уж чем-чем, а красотой и ухоженностью он был сыт по горло.

– Доброе утро. Я не голоден, позавтракаю в клинике.

Галя разочарованно подняла брови и ушла в кухню. Донской, одеваясь, слышал, как она хлопает дверцей холодильника и роняет что-то. Уже в коридоре он столкнулся с хмурой сонной

Каткой, унаследовавшей от отца цепкие стальные глаза и ироничный изгиб губ. Она неприступно бросила: «Здорово!» – и направилась в ванную. Донской вышел за дверь.

В дверях клиники он столкнулся с Пашкой – анестезиологом, своим давним приятелем.

– Привет-привет! – Пашка деловито пожал ему руку и побежал.

Донской никогда не видел, чтобы Пашка шел куда-нибудь размеренным шагом. Тот постоянно спешил, опаздывал, жевал на ходу бутерброд – не знал ни минуты покоя. Андрей, конечно же, догнал его у лифта.

– Ты что-то, брат, не очень! Бледноват сегодня... – радостно заметил Пашка. – Кабаки и бабы доведут до цугундера. Серьезно, ты бы поберег здоровье, Саныч. Не мальчик уже.

– Вот смотрю я на тебя и думаю: загадочная ты личность, Пашка... – протянул Донской. – Нет, серьезно! Прекрасный семьянин, незаменимый работник, преданный друг. Прямо спортсмен, комсомолец! Что-то тут не так. Не удивлюсь, если ты тайно растлеваешь малолетних.

– Ну тебя, – Пашка расхохотался и, не дождаввшись лифта, поспешил к лестнице.

День выдался суматошный. С утра Донского вызвал директор Алексей Степанович Петров, с которым Андрей знаком был еще со студенческих времен, и объявил, что в клинику собирается пожаловать поп-звезда сомнительной ориентации Федор Полянский.

Стареющий сладкий мальчик желал сделать подтяжку лица. Андрей, оперировавший томного певца не более года назад, пытался объяснить Петрову, что делать сейчас новую операцию опасно и он на себя такую ответственность брать не хочет. Однако Петров настаивал, видимо, очень уж не хотел терять известного пациента.

– Я не буду его оперировать. У него глаза скоро на задницу съедут, – в конце концов категорически отказался Донской.

Петров же, многозначительно поведя бровями, посоветовал ему подумать.

Рабочий день близился к концу. Большая часть персонала клиники уже предвкушала уик-энд. Донской видел из окна кабинета, как отбыл на дачу Петров, торопясь, чтобы не попасть в пятничную пробку, а медсестра Леночка в черных блестящих сапогах прошествовала к воротам. Оставалась одна посетительница, и Андрей надеялся, что минут через двадцать у него тоже начнутся выходные.

Секретарша ввела в кабинет женщину.

– Нина Гордеева. – Она протянула врачу узкую прохладную ладонь.

Фамилия показалась Донскому знакомой и, быстро взглянув на пациентку, он узнал в ней известную актрису, которую в последние несколько лет не раз видел по телевизору. Посетительница была, пожалуй, красива: резкие черты лица, высокие скулы, тонкий нос, темные блестящие волосы. И, кажется, молода, чуть за тридцать. Смотрела насмешливо черными, чуть раскосыми глазами и вполголоса рассказывала, что ее пригласили в крупный телепроект, планируются съемки обнаженной натуры, она дала согласие, а на спине шрам от давней аварии.

Донской осмотрел женщину, обсудил с ней детали предстоящей операции и назначил день следующего визита.

Поднимаясь с кресла, женщина скользнула взглядом по монитору и посмотрела на Донского с интересом.

Андрей поморщился – забыл закрыть страницу с дневником:

«Не хватало еще, чтобы среди пациентов распространился слух, что я увлекаюсь виртуальными знакомствами».

Он проводил актрису до двери и с наслаждением потянулся: впереди выходные без стареющих звезд эстрады и принцесс с силиконовыми грудями. Нужно, правда, еще встретиться с Валерией, муж которой отбыл накануне в Прагу. Желудок Донской заранее предупредил, что задержится на работе.

Андрей оказался в небольшом отеле, где он обычно встречался с любовницей, чуть раньше назначенного времени и успел заказать в номер кофе, когда в дверь постучали. Валерия остановилась на пороге – смотрела на Андрея, улыбалась и пританцовывала на месте. Потом прильнула к нему, поцеловала и жарко шепнула:

– Соскучилась.

В этой женщине всего было чересчур: длинных ног, округлых грудей, пышных волос, блестящих быстрых взглядов, болтовни и хохота. Глядя на нее, Андрей пытался представить, что осталось бы от его любовницы, если бы все, что было в ней искусственного, вдруг подевалось куда-нибудь по мановению волшебной палочки.

Еще до того, как между ними завязался роман, Валерия была частым гостем в клинике, навещавшая обыкновенно в периоды многочисленных командировок строгого мужа, не поощрявшего ее увлечения пластикой. Она торопилась изменить в себе что-нибудь еще, чтобы возвратившийся муж не мог уже ничего сделать. Андрей как-то спросил ее, не боится ли она, что супруг однажды просто ее не узнает и выставит из дому как наглую самозванку. Определенно, было в ее тяге к совершенствованию собственной внешности что-то нездоровое, как и в ее лихорадочно бегающих глазах и истеричном веселье.

«Впрочем, – отмахивался от этих наблюдений Донской, – откуда мне знать, я ведь не психиатр».

Самое неприятное – выдержать полчаса ее трескотни. В самом начале их отношений Донской смиренно внимал ее речам, однако со временем выделил для Валерии лимит, по истечении которого, не обращая внимания на недосказанную историю, подходил и начинал расстегивать платье.

Валерия проглотила кофе, как всегда, залпом, смяла в пепельнице сигарету, подняла на любовника глаза и улыбнулась краешком большого яркого рта.

– Пойдем! – Андрей почувствовал в теле приятную дрожь.

И Лера послушно последовала за ним. Когда она снимала свои демонические наряды, непременно черные и шуршащие, скидывала туфли на шпильках и опускалась на кровать, она превращалась из карикатурной неврастенички в богиню любви, чувственную и первобытную: умела быть покорной и податливой, страстной и ненасытной, становилась удивительно чуткой, угадывала желания партнера иногда даже раньше, чем он успевал их осознать. В общем, секс с ней выгодно отличался от отшлифованных годами практики, до секунды выверенных соитий с женой.

После они лежали некоторое время неподвижно, словно прислушиваясь к тому, как играла в теле кровь. Наконец Андрей приподнялся, благодарно поцеловал ее грудь и откинулся на подушки. Валерия потянулась лениво, как кошка, отвела с его лба влажные пряди. В такие минуты он почти любил ее.

Лера пошевелилась, разрушая томную истому, села на постели и потянулась к валявшемуся на полу платью.

– Подожди, – хрипло попросил он. – Не уходи еще.

– Поеду... – Она покачала головой. – Муж что-то странный в последнее время. В сумочке моей копаются... Как бы не выследил меня.

– Подожди, – повторил он и потянул ее к себе. – Черт с ним! Пускай вызывает меня на дуэль.

Утром в среду Андрей пил кофе в своем кабинете. На 12 часов у него была назначена операция по удалению шрама. Работа предстояла несложная: устранить дефект кожи, наложить косметический шов – только и всего. Донской развалился в кресле, вытянул ноги. Хмурое осеннее утро осталось за порогом, в кабинете светло и чисто, кофе как раз такой, какой он любил, – крепкий и ароматный. День начинался хорошо.

Забежал Пашка, протянул ему руку.

– Что, Гордеева прибыла? – спросил Донской.

– Сейчас узнаю. Заодно проверю еще раз тест на новокаин. – Он поспешил на третий этаж, где находились палаты. Постучал в дверь с золотой цифрой «три» и, не дожидаясь ответа, заглянул.

Пациентка успела переодеться в шелковый халат и сидела у стола с книжкой – тонкий силуэт на фоне окна.

– Доброе утро! – поздоровался Пашка.

– Доброе утро. – Женщина обернулась, и Пашка забыл на минуту, зачем пришел. – Вы что-то хотели спросить? – Она шагнула к Пашке и протянула ему руку.

«Как королева», – подумал он.

– Хотел ваш тест на переносимость новокаина еще раз посмотреть. – Удивительная пациентка лишила его обычной собранности и деловитости. Он путался в собственных мыслях и нервно тербил край халата.

– Сейчас. – Актриса взяла с тумбочки черную кожаную сумку. – Где-то здесь. Ах, вот он...

– Спасибо. Вы не волнуйтесь, операция несложная. Готовьтесь, вас позовут. – И он выскочил из палаты.

«Готовьтесь, вас позовут! – повторял он, летя по коридору. – Дурак! Такая женщина...»

– Ты почему меня не предупредил? – закричал он, врываясь к Донскому.

Тот поморщился и отхлебнул еще кофе:

– Не предупредил о чем? И что это ты врываешься как угорелый?

– Пациентка, пациентка... Ты знаешь, кто это? – возбужденно заговорил Пашка. – Это же Нина Гордеева. Актриса! Она, она... Таких не бывает!

– Я и сказал – Гордеева, – пожал плечами Донской, и Пашка, раздраженно махнув рукой, выкатился из кабинета.

«Носится, как мартовский заяц. А еще пятнадцать лет женат!» – Андрей поднялся и начал разминать кисти рук. Пора было в операционную.

Инструменты поблескивали в свете ламп. Остро пахло дезинфицирующим раствором. Справа маячил Пашка в темно-зеленом халате – Донской видел над маской глаза, тревожно следившие за его руками. Гордеева лежала на столе: полиэтиленовая шапочка на голове, узкая смуглая спина обнажена. Донской склонился над ней, ассистентка вложила в его руку скальпель. Он провел им по нежной коже с редкими темными родинками.

Женщина дышала ровно и легко. Операция требовала местной анестезии, и Андрей опасался, что актриса окажется истеричной и избалованной, будет дергаться, пугаться и верещать. Но она вела себя на удивление спокойно, перед операцией доверчиво ему улыбнулась.

Донской обработал надрез и стал накладывать косметический шов.

– Ну вот и все, – сказал он.

Гордеева медленно приподнялась, медсестра помогла ей надеть белую больничную сорочку. Пациентка ступила на пол, покачнулась и судорожно ухватилась за край стола. Донской поддержал ее.

– Простите. Голова что-то закружилась. – Она высвободила локоть, сделала несколько шагов и оперлась о стенку. – Ничего... Я справлюсь.

– Не геройствуйте! – Донской шагнул к женщине и осторожно взял ее на руки.

Она оказалась почти невесомой. Ухватилась за его плечо и прикинула головой к груди. Андрей поймал неприязненный Пашкин взгляд, усмехнулся и понес Гордееву к выходу.

«Поглядите-ка, уже ревнует!» – с непонятным удовольствием думал он. Поддразнивать идеального мужа и достойного гражданина Пашку было забавно.

Донской внес пациентку в палату и осторожно опустил на кровать.

– Спасибо. – Женщина растерянно посмотрела на него. – Не знаю, что это на меня нашло.

– Ерунда. Отдыхайте.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.